

Здание Фармацевтического Центра возвышалось на фоне темно-синего вечернего неба. Телевизионная вышка, расположившаяся на вершине холма всего в нескольких милях отсюда, излучала яркий свет, озаряющий весь горизонт. Электронные часы на приборной панели показывали 19:54. Из некоторых окон здания лился свет – значит, кто-то еще работал. Светилось и окно аудитории биофункциональных наук; возможно, многие студенты были все еще там. Тошиаки припарковал машину у главного входа и с контейнером в руках побежал внутрь здания.

Не удосужившись переобуться в стерильные сандалии, он сразу же ворвался в вестибюль, бросился к лифту и стал нетерпеливо нажимать на кнопку вызова. Внезапно лифт остановился на четвертом этаже. Вероятно, кто-то заблокировал его, чтобы погрузить оборудование. Тошиаки цокнул языком и ударил кулаком по кнопке. Не дождавшись никакого результата, он поспешил к лестнице. По плеску, донесшемуся из холодильного контейнера, стало понятно, что лед начал таять. На лестничной площадке Тошиаки налетел на кого-то, и вода пролилась на пол. Он поспешно открыл контейнер и проверил его содержимое. Колба была целая. Тот, с кем он столкнулся, что-то сказал ему, но Тошиаки проигнорировал его и только ускорил свой шаг.

— Доктор!

Голос Сачико Асакуры эхом разнесся по коридору, когда Тошиаки уже подходил к комнате для культивирования. На ней был лабораторный халат, в руках она держала штатив с пробирками Эппендорф. С широко раскрытыми глазами она посмотрела сначала на контейнер со льдом, затем на лицо Тошиаки.

— Мне нужно поработать в комнате для культивирования, - сказал Тошиаки, пытаясь освободиться от пристального взгляда Асакуры. Она стояла у него на пути.

— Что происходит? Ваша супруга...

— Ты можешь просто отойти?! Мне нужно кое-что сделать.

— Что случилось? От вас не было никаких вестей, а теперь вы появляетесь и хотите провести какой-то эксперимент... Я очень беспокоилась за вас, как и все остальные.

— Послушай, Асакура...

— Если мы можем хоть чем-то помочь, не стесняйтесь...

— Ты мне мешаешь! Уйди с дороги! - закричал Тошиаки.

Асакура была потрясена его поведением. Она съежилась от страха и пропустила его в комнату для культивирования.

Комната утопала в синеве стерилизующего ультрафиолетового света. Тошиаки щелкнул выключателем, зажигая обычное флуоресцентное освещение, надел медицинские сандалии, стоявшие у входа, зашел внутрь и сразу же включил центрифугу и ламинарный бокс. Последний наполнил комнату звуком втягиваемого воздуха. Повернув газовый клапан, он запалил горелку в ламинарном боксе.

Тошиаки достал колбу из контейнера и еще раз проверил ее состояние. Затем он поместил ее в бокс, а сам в это время продезинфицировал руки этанолом, предварительно закатив рукава.

Перемешав содержимое колбы, он процедил его через марлю в несколько пробирок и поместил в центрифугу. Отбросив супернатант*, он перелил жидкость в буферный раствор и снова поместил пробирки в центрифугу. Он трижды повторил эти действия. Наконец, Тошиаки перелил раствор в среду для культивирования, перед этим набрав несколько капель в специальную пипетку. Затем он перешел от бокса к инвертационному микроскопу, поместил каплю раствора на предметное стекло с градуацией и установил над ним покровное стекло. Настраивая микроскоп дрожащей рукой, он прильнул к окуляру.

Шарики клеток светились бледно-желтым цветом. Тошиаки испустил взглас, полный благоговения. Клетки были в прекрасном состоянии. Если бы они были полумертвыми, они бы не сияли так ярко.

Тошиаки добавил к клеткам раствор трипанового синего для определения их жизнеспособности и количества. Мертвых клеток, посиневших от раствора, почти не оказалось. Приблизительно 8×10^7 клеток на грамм печени, жизнеспособность 90%. Великолепно.

Тошиаки вернулся к ламинарному боксу, быстро перелил клетки в колбы с культурами и поместил их в инкубатор, установив температуру на 37°C. Он смешал оставшиеся в пробирке клетки с консервирующей жидкостью и сывороткой крови, обернул пробирку хлопковой тканью и поставил ее в морозильную камеру с температурой -80°C. Завершив все это, Тошиаки глубоко вздохнул. По комнате раздавался слабый гул мотора центрифуги.

Тошиаки достал из инкубатора колбу и поместил ее под микроскоп. Он сглотнул в предвкушении и наклонился к линзам. Клетки печени Кийоми ярко светились на оранжевом фоне.

Тошиаки долго не мог оторвать глаз от их игры света и тени. Это было прекрасное зрелище. Существуют ли на свете клетки красивее, чем эти? – думал он. Они были большими и шаровидными, как жемчуг, и излучали такой великолепный свет, что у Тошиаки невольно кружилась голова. Он как в бреду бормотал имя Кийоми, совершенно этого не замечая. И хотя

тело Кийоми пострадало, эти клетки были доказательством ее сохранности.

Ее почки были пожертвованы неизвестным реципиентам, чьи операции по пересадке к этому моменту уже шли полным ходом. И таким же актом жертвования была ее сверкающая печень, находящаяся теперь в полном владении Тошиаки. Кийоми, уменьшенная до размера отдельных клеток, но по-прежнему такая красивая. Она все еще жива. Эти клетки не погибнут... Долг Тошиаки - продлить им жизнь. Он больше не потеряет ни одной частички Кийоми. По его телу пробежала горячая дрожь.

Он с жадностью глотнул воздух. И не в силах удержаться, тут же сделал выдох, насыщенный экстазом.

* Надосадочная жидкость, образующаяся в результате отстаивания

<http://tl.rulate.ru/book/18422/425097>